

Слепое Пятно

Мария Богачёва

Мария Богачёва

Слепое пятно

<https://litres.ru/73982404>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где вирус поражает центры эмоций, любовь стала смертельным оружием. Спасти может только одно: полная эмоциональная блокада и «Нейростат-4».

Анна — разносчица лекарств. Она идеальный сотрудник: пульс 72, эмпатия на нуле, лицо скрыто. Её работа — заходить в палаты к обречённым и не давать им умереть раньше срока. Говорят, она не способна чувствовать. Но никто не знает, что Анна уже убила одного близкого человека своей трусостью и теперь искупает вину, спасая других.

Её новый пациент — художник Денис. Он отказывается от лекарств и провоцирует её.

Их встреча запускает опасную игру. Чем дольше Анна носит маску равнодушия, тем сильнее бьётся её сердце. Однажды ей придется выбрать: сказать правду и убить его — или промолчать и потерять.

Содержание

Глава 1. Разносчица	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мария Богачёва

Слепое пятно

Глава 1. Разносчица

Анна

Пластиковые коридоры встречают меня привычным запахом озона и дешевого антисептика. За десять месяцев я перестала его замечать. Как и гул вентиляции, как и собственное дыхание под гермошлемом — влажное и ритмичное.

Пульс: 72.

Мой персональный рекорд за эту неделю. Семьдесят два удара в минуту, когда ты заходишь в палату к умирающему. Семьдесят два, когда знаешь, что сегодня он будет смотреть на тебя своими выцветшими глазами и молчать. Семьдесят два, когда на поясе висят три ампулы «Нейростата-4», а у него — третья фаза, и никакой нейростат уже не соберет миелиновые оболочки обратно.

Я поправляю сумку. Резина скрипит о защитную ткань костюма.

Коридор пять-семь. Здесь пациенты не ходят — они лежат или сидят на капельницах, превратившись в овощные

консервы. Вирус Мейтленда-Брауна — гениальное творение природы. Он не убивает тело. Он убивает личность. И оставляет тебя смотреть, как ты перестаёшь помнить тех, кого любил.

А если не любил — неважно. Вирус всё равно найдет. Он непривередлив.

Останавливаюсь у двери 5-7-12. Пластиковая табличка с выцветшим штрих-кодом. Под ним — имя, выведенное маркером: Илья Степанович Ковальчук, поступил 17.09, первичный очаг — контакт с супругой (летальный исход, 12.09).

Родственники? Не указаны.

Я подношу запястье к сканеру. Короткий писк — система фиксирует мой ID. Разносчик, третья категория допуска. «Анна. Невостребованные биоматериалы. Срочные инъекции. Паллиатив».

Дверь открывается с гидравлическим вздохом.

Темнота. Он снова выключил свет.

— Илья Степанович, — говорю я. Тон — нейтральный, на две октавы ниже моего обычного голоса. Мужчины лучше реагируют на низкие частоты, даже когда умирают. Особенно когда умирают. — Вам необходимо принять препарат.

Молчание.

Я включаю **наплечный** фонарик на плече — тонкий луч белого света, достаточный, чтобы видеть пол и не ослеплять пациента. Свет скользит по пустым стенам, по капельнице с физраствором, по кровати с мятым серым бельем.

Илья сидит в углу.

На полу.

Спиной к стене, колени подтянуты к груди, руки обхватывают голени. В казенном сером хосписном костюме он похож на сверток. Лицо в тени, но я знаю, что увижу, если направлю свет выше. Трехдневная щетина. Запавшие глаза. Следы от капельниц на локтевых сгибах — там, где он сам выдергивал иглы.

Он хочет умереть.

Все они в третьей фазе хотят умереть. Только одни боятся, а другие — нет. Илья из вторых. Он перестал бояться, когда понял, что забывает жену. Он начал записывать. Потом перестал записывать — потому что не мог вспомнить цвет её глаз. Потом перестал говорить.

Теперь он просто сидит в темноте и ждет.

— Илья Степанович, — повторяю я, вынимая из сумки пластиковый пенал. Внутри — три ампулы. Одна на сегодня, две запасные. Если он выплюнет — буду вкалывать принудительно.

«Нейростат-4» не замедляет ничего. Он просто продлевает агонию ещё на две-три недели. За которые пациент успевает забыть, как дышать. Забыть, как зовут его дети. Забыть, что дети у него вообще были.

Но инструкция говорит: «Мотивируйте пациента к приему. Используйте язык надежды».

Илья поднимает голову.

Свет фонарика падает на его лицо, и я вижу то, что ожидала. Пустоту. Не боль и не страх. Просто пустоту, в которой иногда вспыхивают остаточные рефлексy: гнев, раздражение, отвращение. К себе. Ко мне. К жизни.

— Убери, — говорит он. Голос хриплый и сухой.

— Вы должны принять лекарство.

— Я должен сдохнуть.

Пульс: 74.

Хорошо. Два удара — допустимое отклонение.

— Ваше право, — говорю я. — Но протокол обязывает меня предложить вам препарат трижды.

Он усмехается. Звук похож на треск пересохших губ.

— Ты каждый раз это говоришь. «Ваше право». Как будто у нас есть права.

— Илья Степанович, второе предложение.

Он молчит. Смотрит на меня сквозь темноту, и я чувствую этот взгляд даже через забрало. Так смотрят люди, которые уже всё решили. Которых не переубедить ни словами, ни ампулами.

Я делаю шаг вперед. Опускаюсь на корточки перед ним — уровень глаз, хотя он все равно не видит моих глаз. Достая из пенала одну ампулу. Ставлю её на пол между нами. Маленький стеклянный цилиндр, в тусклом свете фонарика похожий на пулю.

— Прими, — говорю коротко. — Не усложняй.

Он смотрит на ампулу. Потом на меня.

— Зачем? — В его голосе нет злобы. — Всё равно умру через неделю. Зачем мне лишняя неделя в пластиковом гробу?

Я молчу. Жду.

— Ты знаешь, — продолжает он, и его голос вдруг становится ровным, почти спокойным. — Моя жена умерла первой. Дети — следом. Оба были заражены. Синхронная смерть. За трое суток.

Он замолкает. Смотрит в пустоту перед собой.

— Я сидел у её постели, когда она перестала меня узнавать. Она смотрела на меня и плакала, потому что думала, что я чужой. А я держал её за руку и не мог ничего сделать. Потому что нет лекарства.

— Илья Степанович

— Не надо, — перебивает он. — Не надо мне твоих протокольных фраз. Скажи лучше: зачем ты здесь? Зачем ты каждый день приходишь к таким, как я? Веришь, что спасаешь?

Пульс: 72.

— Я пришла сделать свою работу, — отвечаю я. Встаю. — Ампула останется здесь. Если передумаете — вколете сами. Механизм простой: отломить колпачок, нажать на поршень. Дозировка рассчитана.

Разворачиваюсь. Иду к двери.

— Анна, — слышу за спиной.

Я замираю.

— Откуда ты знаешь моё имя? Я не представлялся.

— У меня есть доступ к историям болезни, — говорю, не оборачиваясь. — Илья Степанович, до завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.